

Научная статья

УДК 947.084.6(571.6)

doi: 10.17223/19988613/76/2

Реакция военнослужащих ОКДВА и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг.

Александр Александрович Исаев¹, Оксана Петровна Федирко²

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, isaev.aa@dvfu.ru

² Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, fedirko@ihaefe.ru

Аннотация. На основе архивных документов и материалов рассматриваются и анализируются смысловые составляющие реагирования военнослужащих ОКДВА – выходцев из сельской местности – на проводимые властными структурами СССР процессы коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. Отмечается, что реакция военнослужащих была неоднозначной и зависела от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов жизни, региона проживания и принадлежности к определенному социальному слою.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, ОКДВА, военнослужащие, крестьянские настроения, сводки, политический отдел, коллективизация, раскулачивание, крестьяне, беднота, середняки, кулаки, колхоз

Для цитирования: Исаев А.А., Федирко О.П. Реакция военнослужащих ОКДВА и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 12–24. doi: 10.17223/19988613/76/2

Original article

The reaction of the military personnel of the Special Red Banner Far Eastern Army (SRBFEA) and their relatives to collectivization and dekulakization in the USSR in the early 1930s

Aleksandr A. Isaev¹, Oksana I. Fedirko²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, isaev.aa@dvfu.ru

² Institute of history, archeology and ethnography of the peoples of the Far-east Far-eastern branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, fedirko@ihaefe.ru

Abstract. Active and thorough study of the collectivization of the agriculture and the dekulakization in the USSR started only two decades ago. But social and psychological factor, which is connected with the reaction of the country's population to the government policy in agriculture in early 1930s, has not been described in historical literature yet. Many SRBFEA officers and soldiers descended from peasant families, and their reaction was ambiguous and depended on different political and ideological and social and economic aspects of country life. The purpose of the article is to examine and analyze quotations as one of the most important forms of reactions of the military staff and their relatives to the Soviet government's policy in collectivization of agriculture and dekulakization in the USSR in early 1930s. The quotations can be found in archives most of which are introduced into the science for the first time. To this end it is especially important to reveal the reasons why these or those reactions emerged and developed, to analyze their character and constituents, as they influenced the all-Union judgements of the population regarding the state policy.

Soldiers of the Red Army who served in the Far East of the USSR came from villages and were of different social and economic levels of peasantry. Some of them were positive about the government actions because they were motivated by the expectations of the future socially fair society with equal rights for every citizen, and by the hope on significant material aid of the state in development of collective farms. Approval shown by some of the peasants was determined by the fact that in spite of the hard conditions of agricultural production in most of the regions collective labour was more productive, especially in the conditions of decreased male population after the First World War and the Civil War. The part of the peasantry who for some reasons could not or would not improve their social and economic situation hoped to limit the influence of the rural bourgeoisie in the country.

Critical and negative reaction came from the SRBFEA soldiers and their relatives who had economically strong and prosperous peasant farms and were able to adapt to the new conditions of life during the Soviet years. As a rule, they relied only on themselves in increasing of labour productivity. Since late 1920s the collectivization policy damaged individual farms and caused natural negative reaction of the kulaks and the economically strong middle peasants. Under-

standing the threat of such reaction the government of the country treated these people as politically unreliable and made them change their places of residence while their property was passed on to the collective farms. This information was transferred to the SRBFEA divisions by mail and orally where it became the subject of many discussions and the reason of different reactions.

Keywords: Far East of the USSR, SRBFEA, military personnel, peasant moods, summaries, the political department, collectivization, dekulakization, peasants, the poor, middle peasants, the kulaks, collective farm

For citation: Isaev A.A., Fedirko O.I. (2022) The reaction of the military personnel of the Special Red Banner Far Eastern Army (SRBFEA) and their relatives to collectivization and dekulakization in the USSR in the early 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 12–24. doi: 10.17223/19988613/76/2

Армейская среда всегда является прямым отражением процессов, происходящих в стране. Приходя на военную службу, призывник приносит определенную информацию из своей социальной среды бытования. Взгляды, мысли, настроения и чувства, вносимые призывником, имеют значительное влияние на атмосферу общих настроений военнослужащих. В период кардинальных социально-экономических и политических трансформаций в стране настроения армейской среды в немалой степени формируются за счет информации, получаемой из писем от родных, близких и друзей, которая характеризуется высокой степенью эмоциональности и радикализма.

Исследования реакции военнослужащих и их родных на процессы коллективизации и раскулачивания в СССР в начале 1930-х гг. появились в историографии лишь в последнее десятилетие. В советский период необходимость в подобных исследованиях отсутствовала, так как общепринятым было представление, что создание коллективных хозяйств и борьба с кулачеством, проводимые под руководством партии и правительства, поддерживались всем советским народом, а частичные критические суждения исходили от классово враждебных элементов.

В постсоветский период в связи с открытием архивных фондов, а также с активизацией междисциплинарного подхода в исторической науке началось исследование реагирования населения страны, включая военнослужащих, на события в Советском Союзе и за рубежом. Как правило, основной упор делался на выявлении и анализе реагирования на значимые политические, военные, экономические, социальные и другие события 1930-х гг. как в стране в целом [1–6], так и в отдельных регионах [7–12]. Значительную помощь в этом оказали опубликованные сборники документов и материалов советского партийно-политического руководства, а также специальных служб, в которых нашло отражение отношение населения различных регионов страны к мероприятиям в области сельского хозяйства [13, 14]. Реагирование военнослужащих РККА – выходцев из села – и их родных на проведение коллективизации и раскулачивания в исследованиях получило лишь фрагментарное отражение [15]. Первым и, пожалуй, единственным на данный момент полноценным исследованием, затрагивающим реагирование военнослужащих РККА на коллективизацию и связанные с ней процессы, является монография Н.С. Тарховой [16]. Однако анализ реагирования на процесс коллективизации и раскулачивания военнослужащих,

проходящих службу на Дальнем Востоке СССР в начале 1930-х гг., и их родных, проживавших в сельской местности, до сих пор не получил должного внимания со стороны исследователей [17, 18]. Исходя из этого, целью данной работы является анализ архивных материалов, посвященных реагированию военнослужащих ОКДВА и их родных, жителей сельской местности регионов СССР, на процесс коллективизации и раскулачивания в начале 1930-х гг.

Армия в СССР, начиная с 1925 г., формировалась за счет призыва гражданского населения на основе квот Генерального штаба по родам войск и службам. Призывались на службу из всех слоев населения, кроме представителей так называемых «эксплуататорских классов» – детей купцов, промышленников, священнослужителей, дворян, казаков, кулаков, участников белого движения и др. Классовый принцип призыва был отменен только в 1939 г. Как правило, основой Рабоче-Крестьянской Красной Армии становились выходцы из семей рабочих, служащих, интеллигенции и крестьян. Именно крестьяне составляли большинство постоянного и переменного армейского контингента. Поэтому их настроения, взгляды и мысли рассматривались властями наиболее пристально, особенно в период социалистических преобразований деревни.

В 1928 г., в связи с начавшимися коренными преобразованиями в сельской местности СССР, «крестьянские настроения» в армейской среде значительно усилились, что заставило армейские политические органы заняться анализом таких настроений. Под «крестьянскими настроениями» политические органы РККА понимали всю совокупность психологического состояния крестьянина-красноармейца, связанного не только с пребыванием в армии, но и с особой ментальностью сельского человека. Усматривая в крестьянстве источник потенциального политического протеста, властные структуры тщательно осуществляли политический контроль над ним. Органы Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ОГПУ), политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Рабоче-Крестьянского Красного Флота (РККФ) и политические отделы пограничной охраны Управления пограничной охраны и войск ОГПУ обязаны были периодически направлять в ЦК РКП(б), местные партийные органы соответствующие политические информационные сводки, основу которых, так же как и обзоров армейских политорганов, составляли выдержки из писем, полученных красноармейцами из дерев-

ни, а также цитирование их высказываний на различных собраниях и в разговорах. В письмах к красноармейцам деревня выражала свои чувства открыто, без оглядки на власть и цензуру. В них настроения крестьянства определялись, прежде всего, острым критическим отношением к различным аспектам политики советской власти в деревне [15. С. 181].

Дальневосточный регион значительно позже вступил в полосу кардинальных социально-экономических изменений в деревне, однако на его территории проходили службу жители других регионов страны, большинство из которых были призваны из сельской местности. Являясь носителями «крестьянских настроений», они способствовали возникновению опасений о предстоящих далеко не позитивных изменениях, которые в скором времени охватят самый восточный регион страны. Так, в призыве 1928 г. в Сибирском военном округе (СибВО) доля крестьян составляла 63%, в призыве 1929 г. Особой Дальневосточной Армии (ОДВА) – 60,7%. При этом значительная часть сибирского и дальневосточного крестьянства принадлежала к зажиточным, Сибирь и Дальний Восток по этому показателю превосходили все остальные регионы РСФСР: 6,7% – в Сибири, 7% – в Дальневосточном крае (для сравнения, в Центрально-Черноземном регионе – 2,3%, в среднем по РСФСР – 3,7%, УССР – 4%) [18. С. 104].

При характеристике сельского населения Дальнего Востока необходимо учитывать высокий уровень религиозности и широкое распространение в регионе в 1910–1920-е гг. идей протестантизма. Для молодежи – представителей протестантских групп (баптистов, адвентистов, пятидесятников и др.) – служба в армии была запрещена. Ф.М. Путинцевым были проанализированы причины этих запретов: «...боязнь войны, страхи родных, нежелание расстаться с ценным работником и кормильцем, запугивание тяжелой службой в армии, нашептывания пресвитеров и кулачества. Пожилые сектанты боятся отпускать молодежь в Красную армию еще потому, что оттуда многие возвращаются безбожниками» [19. С. 31]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. государство приступило к борьбе за установление безрелигиозного общества, и в этих условиях лидеры баптистов, адвентистов, евангельских христиан на съезде в Хабаровске приняли резолюцию по безоговорочному служению в Красной Армии [20. С. 106]; служба в армии была признана «оброком» [21. Ф. Р-481. Оп. 3. Д. 91. Л. 25]. Молодежь потянулась в армию поучиться, понабраться новых впечатлений после тяжелой нужды крестьянской жизни, дабы не отстать от товарищей. В свою очередь, в Красной Армии ставили задачи по перевоспитанию «сектантской» молодежи, многие из которых были успешно реализованы.

Значительная часть сводок о «крестьянских настроениях» в армейской среде приходилась на начало 1930-х гг., что было связано с вовлечением в орбиту сельских преобразований территории Дальнего Востока. Первая реакция деревни на мероприятия властей, согласно письмам, – шок и неприятие происходящего. Крестьяне не понимали, зачем власть осуществляет хлебозаготовки в «таком грабительском масштабе».

«Крестьянам совсем житья не стало от этих хлебозаготовок, раньше не было хлебозаготовок, а хлеба много было, а теперь все выметают и на посев не оставляют. По-моему, никаких хлебозаготовок не надо, пусть каждый крестьянин будет волен в своем хлебе, а если государству нужен хлеб, пусть берет на рынке и покупает у купцов», – указывалось в письме, направленном красноармейцу 56 пограничного отряда (ПО) Бурлакову, середняку [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 242. Л. 20].

Анализ содержания специальных политических докладных, сводок и сведений, исходящих от армейских политических и специальных органов ОДВА–ОКДВА, свидетельствует о значительном росте в красноармейской среде с начала 1930-х г. настроений, связанных с мероприятиями, проводимыми в деревне. Данные настроения быстро охватили весь контингент военнослужащих, прежде всего – выходцев из деревни. В зависимости от принадлежности к определенной крестьянской прослойке настроения вирировали от положительных до крайне отрицательных. Согласно информации политотделов, так называемая кулацко-зажиточная часть, как правило, выступала против коллективизации и раскулачивания, заявляя, что «лучше пойти в ссылку, чем быть в коллективе лодырей». Красноармеец 1-й дивизии Шестаков, из семьи кулака, в ходе обсуждения раскулачивания заявлял: «Раз кулак будет хорошо работать, почему бы его не оставить в колхозе». «Эта чертова власть разоряет крестьян. Пусть попробуют, поживут с беднотой. Сейчас в деревнях начинается смута, и если так же будет продолжаться дальше, то факт, что начнутся восстания», – заявлял красноармеец 36-й дивизии Кречетов, кулак. «Крестьян кругом жмут, теперь выдумали ликвидацию кулака. Пусть лучше пропадет все хозяйство, но в коллектив никогда не пойду», – говорил красноармеец 26-й дивизии Вольф, зажиточный [Там же. Д. 244. Л. 61].

Выходцы из семей середняков высказывали сомнения в правильности государственных мероприятий. Те же, кто зависел от кулака, выступали против коллективизации. Средняки часто говорили: «И без колхозов можно прожить, и так хорошо поодиночке»; «На колхозы надеяться нельзя, ибо их самих еще надо два года кормить». «Наши не хотели войти в коллектив, но их насильно заставили, угрожая, что если не войдут в колхоз, то лишим права голоса и уволим вашего сына из Армии. А нам говорят здесь, что коллективизация добровольная», – говорил красноармеец 2-й дивизии Сафонов, середняк. «В деревне поголовное раскулачивание, жить стало невозможно... Для крестьянина спасение одно – перейти в колхоз, хотя бы это и было против его желания», – заявлял красноармеец 1-й дивизии Лукин, середняк [Там же. Л. 61].

Бедняки, несмотря на общую поддержку коллективизации, в отдельных случаях сочувственно недоумевали: «Почему так сразу сильно взялись загонять в колхозы, надо было бы постепенно, а городского нэпмана не трогают»; «Почему партия решила ликвидировать кулака, когда на нем держится соввласть». Подобное поведение объяснялось тем, что кулаки в стремлении получить поддержку со стороны середняцко-бедняцкой группы прибегали к помощи такти-

ческого маневра, который заключался в утверждении о том, что в деревне идет не процесс ликвидации кулака, а «волна истребления всего крестьянства как класса». В результате подобной обработки некоторая часть бедняков и батраков высказывала сомнения в необходимости вступать в коллективные хозяйства. «Я сам, когда приеду домой, все равно не пойду в коммуну. Если и пойду, то только в коллектив, а то в коммуне такая же дисциплина, как и в Армии», – заявлял красноармеец 5-й бригады Плащинский, из бедняков [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 61].

Из анализа содержания писем, поступавших от различных социальных групп деревни в адрес военнослужащих, видно, что середняцкая и бедняцкая группы крестьян писали преимущественно о практике и методах коллективизации. Они жаловались на принудительное втягивание в коллективы (колхозы и коммуны), на безвыходные и невыносимые условия для индивидуального крестьянского хозяйства и в отдельных случаях оправдывали свое вступление в колхоз именно этим обстоятельством. Зажиточные крестьяне писали о раскулачивании, сообщали о катастрофическом положении деревни, арестах, высылках, о массовом бегстве кулачества и крепких середняков, о повстанческом движении и т.д. Вместе с тем значительный процент писем содержал апелляцию деревни к армии, призыв к защите крестьян от поборов и притеснений властей всех рангов. «Товарищи красноармейцы, вы должны усматривать, что над вашими отцами, матерями, братьями, сестрами делают... Неужели вы не видите, что кругом делается, как издеваются над народом? Красная Армия, как мертвая, ничего не делает. Куда гонят народ? За какие преступления сажают в тюрьму...» – слова из письма красноармейцу 26-й дивизии, бедняку, члену ВЛКСМ Денисову из Барабинского округа Сибирского края от брата, женатого на дочери кулака. Данное письмо Денисов сдал политруку [Там же. Л. 60]. «Прошу обратиться ко всем красноармейцам, что вы служите в армии, а тут народ грабят, идет безобразия, самосуд, нет правил и законов, идет убийство... Если можно, то помогите, дорогие красноармейцы, и пропишите, как там, тоже так грабят или нет», – говорилось в письме от дяди из Рубцовского округа Сибирского края, адресованном красноармейцу 36-й дивизии [Там же. Л. 36].

Наряду с воззваниями о помощи к армии имела место и обратная реакция – обвинения красноармейцев в проблемах деревни. Мол, весь изъятый у крестьян хлеб идет на поддержание и обеспечение Красной Армии. «Теперь в деревне нигде куска хлеба не достанешь. Крестьяне говорят – вы у нас хлеб забрали, там и получайте, прямо беда; на красноармейца смотрят, как на зверя, а причем мы здесь, если хлеб берут для государства», – говорилось в письме военнослужащему 58-го ПО, члену ВЛКСМ Куликову [Там же. Д. 242. Л. 21].

Помимо писем негативного характера, отмечалось значительное количество писем с положительной оценкой происходящих изменений в сельской местности. Как правило, это письма от бедняцкой и батрацкой частей деревни. Отчасти это также являлось след-

ствием воздействия красноармейцев на родных и близких при помощи писем домой. «И все мы убедились на ваше мнение и думаем вступить в коллектив и поднять его так, чтобы была польза государству», – говорилось в письме красноармейцу Саперного батальона Никитину из Иркутского округа. «Валя, ты должен поддержать советскую власть, так как она создает законы правильно. Ты писал, чтобы мы вступили в колхоз, и это писал правильно и пиши еще, что колхоз самое правильное мнение. Скоро заработаем по-новому, по-колхозному», – говорилось в письме красноармейцу 4-го полка 2-й дивизии Волкину [Там же. Д. 244. Л. 35].

Политические отделы армии, флота и пограничной охраны ОГПУ, а также партийные организации частей и подразделений, понимая угрозу, которую подобные письма несут в армейскую среду, проводили соответствующие политико-идеологические разъяснительные мероприятия с целью изменения «крестьянских настроений» в сторону глубокого понимания проводимых властью мероприятий на селе. С их помощью руководство оказывало существенное влияние и активное воздействие на личный состав. Целью являлось не столько воспитание, сколько поддержка и восхваление мероприятий, проводимых руководством страны (решений партии и правительства, успехов советского народа в строительстве социализма и др.). В результате подобной работы красноармейцы писали коллективные письма на родину, агитируя за сдачу хлеба государству и вступление в колхозы и коммуны. В некоторых воинских частях деревни и села по месту жительства красноармейцев вызывались на социалистическое соревнование по наискорейшей сдаче хлеба государству. Имелось много случаев, когда красноармейцы в индивидуальных письмах призывали своих родителей к сдаче хлеба государству и оказанию содействия по хлебозаготовкам. «Примите самое горячее участие в хлебозаготовительной кампании. Этим самым вы будете участвовать в проведении в жизнь пятилетки, и не слушайте тех, кто сейчас старается идти против этой кампании, потому что с ними вам как семье красноармейца не по пути. Это кулацкие выдумки, которыми они стараются подорвать пятилетку. Я прошу вас все имеющиеся излишки хлеба сдать государству», – писал домой красноармеец 55-го ПО, из бедняков. «Подымайте трудовое крестьянство на выполнение государственного задания по хлебозаготовкам, этим мы шевельнем наш тыл для активной помощи советскому государству в борьбе с врагом», – писал в свою деревню красноармеец 59-го ПО Божутин [Там же. Д. 242. Л. 19–20].

Политаппараты ряда воинских частей и подразделений умело использовали как положительные письма, идущие из деревни (через многотиражки, в разъяснительной работе), так и ответы местных органов по запросам. Так, в донесении 55-го пограничного отряда, в частности, говорилось, что «описываемые в письмах факты о перегибах местных властей в процессе коллективизации по запросу специальной комиссии связи не соответствуют действительности. На 40–50 жалоб только 4 случая подтвердились» [Там же. Л. 20].

В связи с этим имели место случаи, когда даже сами «недовольные» высказывали «недоверие к тому, что им пишут». Однако работа вокруг красноармейских писем в целом велась чрезвычайно слабо, прежде всего в деле расследования фактов, приведенных в письмах, и привлечения к ответственности их авторов. Так, политотдел 8-й кавалеристской дивизии, имея поток писем с Северного Кавказа, не послал туда своего представителя для выяснения реального положения дел на месте, чтобы затем полученный конкретный материал использовать в политико-идеологической работе с красноармейцами. Ответы же местных партийных и советских организаций на запросы, делаемые по письмам и докладным, поступающим от красноармейцев, или совсем не подавались, или подавались с большим опозданием [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 485. Л. 185].

Понимая важное значение работы с письмами, влияющими на настроения и тем самым на отношения красноармейцев к партии и государству, политотдел управления пограничной охраны (УПО) в ряде своих указаний заострил внимание частей на вопросах усиления работы среди партийцев, комсомольцев и беспартийного актива на местах. В ее основу было положено четкое и ясное разъяснение задач партии по социалистическому строительству в городе и деревне. Это, в свою очередь, способствовало пониманию начсоставом, партийцами, комсомольцами, беспартийным активом (рабочие, батраки, бедняки, часть середняков) необходимости и важности проведения линии партии и правительства по вовлечению их как активных помощников в регулирование политических настроений, которые имели решающее значение. В этом отношении политаппараты частей добивались значительных результатов, опираясь в своей работе по регулированию настроений на указанные прослойки [Там же. Д. 242. Л. 20].

Вследствие проводимой политико-идеологической разъяснительной работы в частях и подразделениях ОКДВА настроения основной массы красноармейцев рассматривались как вполне здоровые. Официальная отчетная документация демонстрировала, что личный состав правильно уяснял и расценивал мероприятия партии по колхозному строительству и ликвидации кулачества как класса. Об этом свидетельствовали волна массового колхозного движения, вступление красноармейцев в коллективы целыми подразделениями. Ярким подтверждением этого являлись многочисленные советы родным и близким в письмах – вступать в колхозы, в отдельных случаях даже под угрозой разрыва. «Если не вступите, то я вам больше писать не буду, я не хочу вас знать»; «Ты, Ульяна, должна во что бы то ни стало вступить в коллектив, иначе я с тобой порываю всякую связь. Ты должна в этом убедить отца, и чтобы я уже приехал в коллектив». Наконец, это подтверждалось фактами резкого отпора и открытого массового осуждения красноармейцами кулацких проявлений, советами в письмах родным «принять на селе кулаку решительный отпор, довольно быть рабами кулаков и т.д.» [Там же. Д. 244. Л. 38].

Несмотря на усиление политико-идеологических массовых разъяснительных мероприятий, ряд полити-

ческих органов частей и подразделений ОКДВА в начале 1930-х гг. констатировал увеличение ярко выраженных отрицательных настроений среди военнослужащих. Это было вызвано проведением сплошной (форсированной) коллективизации на всей территории страны. Из общей массы выделялись отдельные красноармейцы, настойчиво ведущие так называемую кулацкую агитацию. В разговоре с красноармейцами они демонстрировали свое активное несогласие с политикой партии и советской власти по вопросам хлебозаготовок, колхозного строительства и нажима на кулака, выражая подчас явно антисоветские взгляды. Они клеймили коммунистов и комсомольцев, обвиняя их во всех проблемах страны и невежественном отношении к населению. «Коммунисты – это те, кто раньше был вором и мошенником»; «Коммунистов и комсомольцев надо перестрелять, тогда легче жить будет». Социалистическое соревнование опошлялось и дискредитировалось. Имели место случаи, когда красноармейцы из зажиточных семей устраивали социалистическое соревнование по мату (употреблению нецензурной лексики)! Политическая же работа вокруг данных фактов не проводилась [Там же. Л. 26–37].

Порой слабая и часто запоздалая ответная реакция политических органов частей и подразделений ОКДВА являлась большим тормозом в развитии политико-идеологической работы вокруг информации, приходившей из деревни. Косность и отсутствие инициативы военно-политических работников низшего звена, которые обязаны были оперативно реагировать на поступающую информацию, не позволяли своевременно пресекать отрицательные настроения в армейской среде. В ожидании соответствующих директив из центра упускалось время, которым носители и распространители отрицательной и критической информации (и тем самым и настроений) активно пользовались, вовлекая в свою орбиту все новых военнослужащих.

Имели место случаи, когда красноармейцы, получив информацию от сослуживцев о бесчинствах, творимых в коллективных хозяйствах, голоде и других ужасах, происходящих в деревне, становились яркими противниками всех социалистических процессов. «У меня жена входит в коллектив, а я не хочу, и придется мне с ней расходиться. Я лучше пойду в город, чем в колхоз, а крестьянством теперь заниматься невозможно», – высказывался стажер 2-й дивизии в Хабаровске. «Я получил из дома письмо, просят совета – вступать или нет в коллектив. Я ответил, чтобы не вступали. Лучше уеду на Украину и там буду работать, чем на кого-то работать и гнуть спину», – говорил командир отделения 2-й дивизии Тежек. «Насильно загоняют в колхоз, но я не пойду и своему семейству не советую. Пусть что хотят делают, для меня все равно, а за разных лодырей в этих колхозах, пожалуй, никто работать не будет», – говорил красноармеец 9-й бригады Релков. «До сплошной коллективизации надо подождать, этот вопрос не обдуман, только выброшенный необдуманный лозунг – механизация сельского хозяйства. Она слабо поставлена и не сумеет обслужить новые колхозы... В селе не коллективизируют, как мы выражаемся, а насильно загоняют кре-

стьян в колхозы...» – высказывался на политзанятии красноармеец 5 бригады Подворков, служащий. «Нам, наверное, не придется свободно просуществовать, не удержится наша власть, все равно весь мир скоро всколыхнется, и, наверно, будет кровопролитие. Если сказать прямо, то все недовольны соввластью... хотя крестьяне и идут в колхоз, но у них на сердце совсем другое», – слова из выступления красноармейца 9-й бригады Карпенко, середняка [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 40].

Доверие к информации от родных и близких было гораздо выше, чем к партийно-политическим органам власти и управления. Многочисленные сообщения о фактах искривления и перегибов в практике колхозного строительства (принудительное втягивание в колхозы) и ликвидации кулака (извращение линии партии в отношении середняка), получаемые из дома, оказывали существенное влияние на формирование недовольства и усиливали агитацию кулаков. Они иногда умело преувеличивали случаи искривления партийной линии на местах. Так, капртер 106-го полка 36-й дивизии Полишкевич, из семьи зажиточных крестьян, подойдя к группе красноармейцев рабочих по кухне, говорил: «Разве это власть, когда всех обобрали да ограбили. Теперь никакого житья не стало, только и знают – гнать... Кто пойдет в коллектив, тот совсем пропащий человек, там жизнь еще хуже будет». «Эти коммуны – сущая чепуха, разве мало в них входило крестьян, и оттуда бежали. Потому что там сплошной обман, затянут туда, возьмут все хозяйство, оставят голодным и выбросят. Я вам [красноармейцы] советую подумать об этом и не кричать, что давай запишемся». «Вы дураки [обращение к сослуживцам после политзанятий], вам говорят, а вы верите. Я никогда в эти коммуны не пойду... Если бы я попал в строй и в моих руках была бы винтовка, я бы этих гадов, которые агитируют за колхозы, беспощадно перебил», – утверждал красноармеец 9-й кавалеристской бригады, хлебопекарь Максимчук из семьи кулака [Там же. Л. 39]. «Я никогда не пойду против кулака, я всегда жил у кулаков и не согласен, чтобы их ликвидировали, так как нам, батракам, не на что будет существовать, а в коллективах нас не прокормят – сами голодом сядут», – говорил курсант политшколы 25-й дивизии Варфоломеев, из семьи батрака. «Кулак не враг, он помогает батракам прожить, не будь кулака, негде будет батраку прожить, не будет, где работать, а в колхоз и совхоз я ни за какие деньги не пойду», – утверждал курсант политшколы 2-й дивизии Паленчина, из семьи батрака [Там же. Л. 40].

Ненормальное положение, связанное с политической нездоровой информацией, поступающей с письмами от родных и близких, помимо объективных причин (влияние деревни, агитация кулацкого элемента в армии), является также результатом отсутствия достаточной воспитательной работы с комсомольцами в частях армии. Комсомол, выступая, по мнению властей, одним из основных проводников линии партии и правительства, в том числе и в армейской среде, порой занимал совершенно противоположную позицию. Можно предположить, что призванные в армию комсомольцы, как и несоюзная молодежь, в основном бы-

ли деревенскими, тем самым являясь неотъемлемой частью крестьянского мира, и сохранили приверженность традиционному устройству деревни, разделяя чаянья и заботы сельских жителей. «Устроили какие-то колхозы, дурманят нашему брату голову. Я 20 лет не был в колхозе и еще 20 лет проживу без него, а в комсомоле я состою от нечего делать. Я не дорожу им, пусть хоть сегодня выгоняют», – высказывался красноармеец 26-й дивизии Шушарин, член ВЛКСМ, из семьи батрака. Красноармеец 9-й бригады Макаров, кандидат в члены ВЛКСМ, для курения разорвал газету, взятую в ленинском уголке. На замечание красноармейца по этому поводу, он заявил: «...ну их [цензурное ругательство], они половину врут, а если все будут грамотными, то работать некому будет. Вот вы говорите, что рост промышленности есть, крестьянство растет, но это все неверно, крестьянство разоряется сейчас все» [Там же. Л. 40–41].

Вместе с тем заслуживают внимания настроения молодых призывников, которые еще застали дома начинающиеся коренные изменения на селе. Так, в учебных пунктах красноармейцев, где проводился курс молодого бойца, отмечались отдельные отрицательные политические настроения и рассуждения по вопросам хлебаготовок. «Хлеб берут насильно, ходят по крестьянским дворам и выгребают хлеб», – высказывался красноармеец учебного полка в поселке Славянка Мирошенко, из семьи середняка, беспартийный. «Зачем я должен служить, когда меня дома грабят?» – спрашивал красноармеец 57-го ПО Роташенок, из семьи середняка, беспартийный. «На крестьян нажимают, даже беднота, помогавшая государству проводить хлебаготовки, осталась на бобах, и их посадили на скудный паек», – говорил красноармеец 56-го ПО Цвелев, из семьи бедняка, беспартийный. «Зачем у кулаков отбирают хлеб, кому какое дело, что у них этот хлеб имеется», – высказывался красноармеец 58-го ПО Красилов, член ВЛКСМ, из семьи бывших крестьян, уехавших в город, – рабочий [Там же. Д. 242. Л. 34].

Отрицательные настроения, исходившие от середняцкой и бедняцкой части деревни, судя по содержанию писем, базировались главным образом на фактах искривления партийной линии в отношении колхозного строительства (принудительное вовлечение в колхозы), а также в отношении ликвидации кулака (распродажа середняцких хозяйств, лишение права голоса середняка, угрозы со стороны уполномоченных по коллективизации и т.д.). «Здесь сейчас большой бунт, народ, который не идет в коллективы, гонят из деревни, собирают свои манатки (личные вещи. – А.И., О.Ф.) и идут. 22 февраля (1930 г. – А.И., О.Ф.) под конвоем провожали 30 семей. Не знаю, кто только не плакал, каждый досыта наревелся. Тестя твоего угнали с детьми... Эх, Ваня, не слушай там, что поют, не слушай! Жизнь пошла не жизнь, а смерть», – из письма красноармейцу 36-й дивизии из Новосибирского округа. «Забрали все и выгнали всех, тут же при них мать упала в обморок и в 6 часов вечера пожертвовала свою жизнь коммунистам за их правду и грабежи. Половину села уже выгнали из домов и нигде на квартиру не пускают, издали приказ: если кто пустит, то сейчас

выгоняют. Тысячи крестьянских сынов в армии служат, а в деревнях родителей выгоняют из их домов, все отбирают... С начальством, я думаю... надо... поговорить», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Хоменко из Никольск-Уссурийска. «В коллектив тащат насильно, не пойдешь – лишают голоса, дома распродают. Бедняку никакой льготы нет, а середняк, какой бы он ни был – кулак... Пока ничего не говорите, не показывайте письма начальнику, а то могут добраться и до меня», – из письма красноармейцу 2-й дивизии от Куркова из Новосибирского округа [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 35-36].

В сводках особого отдела ОГПУ по ОКДВА отмечалось, что иногда кулацкая (антиколхозная) агитация облекалась в форму контрреволюционной поэзии, присылки в письмах «классических» стихотворений. Так, в письмо на имя красноармейца 2-й дивизии Протопопова от брата из Томского округа было вложено стихотворение следующего содержания:

«Свобода

Рабами темными в тайге,

Живем мы все крестьяне.

Страдаем, мучаемся мы все,

Ведь видите вы сами,

Живем, страдаем, терпим муки,

За что? За собственное свое.

Болит рука и ломит руки,

Ох, наше ... (не цензурно. – *А.И., О.Ф.*) житье,

Когда же будем мы свободны,

Когда не будем мы тужить

А будем, мы так всенародно,

Чтобы нам жить и не тужить.

А жить тут, самое в Советской власти,

Она дала в тайге нам счастье,

Работать бревна и дрова» [Там же. Л. 36].

В отдельных случаях протестные настроения выступали в форме написания и распространения воззваний, листовок и т.д., причем такая работа глубоко конспирировалась. Так, 23 февраля 1930 г. в уборной 76-го полка 26-й дивизии появилась надпись такого содержания: «Власть коммунистам, земля коллективистам, деньги политикам, а крестьянам... (нецензурно. – *А.И., О.Ф.*)». Автор надписи выявлен не был. Отдельные, наиболее передовые, элементы пытались теоретически обосновать кулацкое движение в форме сочинения «ученых» листовок. 9 марта 1930 г. в тумбочке курсанта Владивостокской пехотной школы, члена ВЛКСМ Гнильницкого было обнаружено написанное в тетради его рукой воззвание:

«Воззвание к русскому народу от 2 марта 1930 г.

На смену свалившегося с плеч рабоче-крестьянского класса помещичье-царского гнета возросла новая волна, волна истребления крестьянства как класса. В настоящий момент, когда Россия стонет от новой, т.е. поставленной в другой форме эксплуатации, когда всему русскому народу в ближайший срок угрожает не описанный еще в нашей истории голод, русский народ, которого в период столь тяжелой войны смогли пустыми, ничем не оправдываемыми в настоящий момент обещаниями увести под свою крышу коммунисты и еврейское племя, которое в данный момент является

одним из лютейших врагов рабочего класса, – нужно положить конец. Необходимо обдумать и решиться еще на одну столь важную операцию, которая должна выжечь все корни того, на кого русский народ смотрит с ненавистью. Если не так давно в достижении свободы, равенства и братства пролито много крови, то в настоящий момент начатое нужно довести до конца. Для яркости возьмем наше крестьянство, и если мы углубимся в него, то увидим, что его хозяйство несет полный развал, который чувствительно отражается на городском населении.

Граждане! Ведь позорно и думать, чтоб страна, в которой две трети населения занимается земледелием, страна, имеющая лучшие плодородные земли всей Европы, – перешла на паек. Для русского народа недопустимо, чтобы его лучшую землю обрабатывали жидовские машины, племя которых и торгует хлебом с другими странами, тем самым и ведет наш народ к полной гибели. Нашего темного мужика одурманивают еще не видимой до сих пор в истории бессмыслицей. Если для внезапного налета саранчи мы роём ямы и, наполненные последней, зарываем ее, то и под наше крестьянство ямы уже вырыты, и нам нужно приложить все усилия, чтобы не дать засыпать его. Возьмем политику коммунистов в объединение в колхозы. Эта такая хитрая политика, которую как можно, но скорее нужно понять.

Идти в колхозы нужно лишиться всего своего хозяйства, а крестьянин без хозяйства – это все равно, что судно без руля, которое в зависимости от погоды идет в любую сторону. В этом и заключается их жидовская политика. Обезоружить крестьянство, отобрать все хозяйство в свои руки, и тогда оно будет иметь полную возможность русское крестьянство сделать своими рабами» [Там же. Л. 61–62]. В этот же день Гнильницкий был арестован.

Отметим, что листовки, воззвания и надписи антисоветского характера в общественных местах являлись одной из самых распространенных форм проявления протеста и антисоветских настроений. Усиливавшийся на протяжении 1930-х гг. страх расправы со стороны органов ОГПУ (позже НКВД) заставлял недовольных и несогласных с курсом власти прибегать к подобного рода протестным проявлениям. Только за 5 месяцев 1932 г. в частях ОКДВА было обнаружено 10 листовок, воззваний и надписей. Так, в 34-м полку 12-й дивизии при отправке из Омска была обнаружена листовка следующего содержания: «Внимание!!! Товарищи красноармейцы! Ко всем сознательным, посмотрите, кто нами руководит и кто нас загоняет в кабалу, для того чтобы мы дрались между собой – товарищ с товарищем. Один ударник – почет ему делают, а другой – не ударник, ему нет почету. Для того, чтобы обострить между собой, посмотрите какую дисциплину они держат военную» [Там же. Д. 378. Л. 280].

В 62-м полку 21-й дивизии было обнаружено два анонимных письма. Приводим содержание второго из них:

«Еду в армию с весельем,

Говорил Максим Петру,

И за родину Советов не иначе как умру.

Проживя в кошмарной жизни,
парень стал совсем другой.
Нет у родины свободной, превратили нас в рабов.
Нет доверья, голодуха и не смей сказать,
А иначе ты вредитель и на суд отдать.
Целый день с утра до ночи, точно вол везешь.
Где бы нужно отдохнуть, так нам пихают ложь.
И Максиму стало страшно, что за черт – кошмарно,
От ржанухи и бульона – в голове угарно».

В процессе следствия было установлено, что авторство принадлежало красноармейцу Монакову, из семьи крестьян-бедняков, беспартийному, исключительно из ВКП(б) [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 303].

Вместе с этим заслуживает внимания, согласно сводкам ОГПУ, на начало 1930-х гг. совершенно новый метод антиколхозной агитации через письма – «метод присылки в армию коллективных кулацких писем, в которых явно провокационные сведения для большей убедительности подтверждаются несколькими подписями односельчан или родственниками». Так, в адрес красноармейца 36-й дивизии поступило от свата из Омского округа письмо, переполненное гневными обвинениями в адрес советской власти. В нем сообщались сведения о зверствах власти в деревне и т.д. В заключение автор указывал: «Вы писали, что вам не верится, что у нас так проделывают (раскулачивания и насильственная запись в колхозы), но я даю слово и голову на отсечение, что у нас так и есть. А если не верите, подпишутся еще люди на этом письме... Про нашу жизнь подписываются: Гриценко Дмитрий, Сидоренко Яков, Сидоренко Максим, Малюнка Павел» [Там же. Д. 244. Л. 37].

Имели место и оригинальные письма-инструкции на случай экстренной ситуации, связанной с раскулачиванием, лишением права голоса или выселением родных из деревни. Понимая, что при этом могут пострадать родственники, проходящие службу в армии или на флоте, родители пытались отвлечь от них возможные неприятности: «Дорогой сынок, если меня станут притеснять или лишать права голоса, то тебе пришлют справку, тогда ты говори так: “Мне отец не нужен, пусть его лишают, а я буду служить, пока не кончу службу”, говори, что “я только здесь увидел свет”. Лишнего ничего не пиши», – указывалось в письме красноармейцу 36-й дивизии из Семипалатинского округа [Там же].

Родители или родственники военнослужащих не только посредством писем влияли на их настроение, но и личным общением. Члены семей красноармейцев приезжали в части для беседы, узнавали, как проходит служба, и рассказывали о домашних делах. В связи с расширением коллективизации количество приезжих родственников из сельской местности (так называемые ходоки) увеличилось, а вместе с ними увеличился приток информации о реальных (по мнению ходоков) процессах, происходящих в деревне. Данная информация, поступающая из первых рук, далеко не всегда была положительной. Так, только на начало марта 1930 г. по 2-й дивизии и 5-й кавалеристской бригаде было отмечено 7 случаев приезда деревенских ходоков. К красноармейцу 36-го артиллерийского полка

Руденко, беспартийному, середняку, приезжал отец, проживающий в Спасском районе Владивостокского округа, за советом относительно вступления в колхоз. Он был настроен положительно и советовал красноармейцам вступать в колхозы. К красноармейцу того же полка Тимошенко (зажиточный) из Гродековского района Владивостокского округа приезжал отец, подвергнутый бойкоту за неспадчу хлеба. Приехал с целью добиться через сына снятия бойкота. При свидании с сыном Тимошенко жаловался на тяжелую жизнь деревни. Сын советовал отцу вступить в колхоз, но тот категорически отказался: «Я ведь все наживал своим горбом, а сейчас отдать все имущество бедноте, да я лучше его все проезжу, и когда ничего не останется, тогда войду». После отъезда отца Тимошенко просил политрука ходатайствовать о снятии бойкота с его жены: «Я не виноват, что отец зажиточный и ему объявили бойкот, я с удовольствием бы вступил в коллектив, но отец не хочет». К красноармейцу того же полка Кравчуку приезжала жена для получения совета – вступать или нет в колхоз? Она рассказала мужу о том, что у «крестьян все отбирают, и поневоле приходится идти в колхоз». Кравчук дал жене совет вступать в колхоз [Там же. Л. 37–38].

Помимо коллективных писем, в частях и соединениях ОКДВА получили распространение анонимные письма, в которых рисовалась печальная картина бесчинств властей, происходящих в деревне. Вместе с тем они подстрекали военнослужащих к дезертирству из армии и саботажу. Красноармеец 21-й стрелковой дивизии Шабуров получил анонимное письмо следующего содержания: «У нас все забрали, а вы что смотрите и молчите, разве не знаете, что советская власть до кисок (т.е. кошек) доходит». В Ленинский уголок 9-й роты 120-го стрелкового полка была подброшена анонимная записка такого содержания: «Единоличники, за что мы боремся... у наших отцов и матерей последнее зерно выгребают, последнюю корову забирают. Давайте, братцы, подумаем, к чему нас социализм довел. Товарищи крестьяне, все силы в наших руках. Долой комсомольцев и коммунистов». Весьма нередки и такого рода заявления: «Хлеба не дают, что делать – спроси командира, – за что ты служишь в Красной Армии? Вы защищаете, а мы здесь помираем» и т.д. [Там же. Д. 380. Л. 133].

Таким образом, информация, поступающая в армию в начале 1930-х гг., рисовала безрадостную картину жизни советской деревни, она свидетельствовала об отсутствии законности и добровольности в проведении коллективизации на селе. «Нашему крестьянству в деревне приходит конец жизни. За что ты в Армии проливаешь кровь, защищаешь границы, а нам житья нет. У нас в деревне много крестьян ушло неизвестно куда. Возможно, когда ты приедешь, фамилия Шабановых от такой жизни сведется на нет», – из письма красноармейцу 1-й дивизии Шабанову, из семьи середняка. «Мы вошли в колхоз потому, что жизнь очень тяжелая пошла, которая нам не под силу. Если бы зайти в колхоз, то надо проститься со всем своим хозяйством. Если кто не идет в колхоз, то идет к распродаже имущества», – из письма красноармейцу 1-й дивизии

Шитникову от родных из Иркутского округа. «Если кто не идет в коллектив, то его сразу причисляют к кулакам, делают опись имущества, которое тут же распродают. Каждое хозяйство подводят под кулацкое», – из письма красноармейцу 2-й дивизии из Кузнецкого округа. «Теперь у нас бедняков нет и середняков тоже, все кулаки, идет сплошная коллективизация. Кто не хочет в колхоз, то приходят, выставляют окна и говорят, иди, ночуй на снегу, все разъезжаются, кто куда знает», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Артюхову из Новосибирска. «В деревне народ разъезжается, куда попало, мужиков не осталось, одни бабы. Собираются ночами и разъезжаются. Утром встанешь, и никого нет, а огонь горит. Бросают все свое имущество и бегут. Щербаков Дмитрий уехал ночью и бросил все свое имущество. Заплакал и поехал. Мы его провожали», – говорилось в тексте письма красноармейцу 2-й дивизии Моничеву из Никольск-Уссурийского. «Посмотрел бы ты, что творится в деревне и действительно страшный суд, там слышно застрелился, там ума лишился, за границу убегают. Беднота боится нормы и работы и упорно не вступает в колхоз», – из письма красноармейцу 2-й дивизии Сидорчуку от родителей со станции Уссури [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 59–60]. «...Мы живем плохо... Дядю Омелку сослали в тюрьму на 1 год и на высылку на 5 лет... Тетю Федосу выгнали из хаты... живет у нас... Аленкову бабушку тоже выгнали и деда, вообще все их семейство выгнали из хаты... Тятя ездил на хутор исправлять долг к Никифору... отдать долг нечем, осталась одна кобыла... Ты, Матвей постарайся и приезжай в отпуск исправлять долги...», – говорилось в письме красноармейцу саперного батальона М.П. Кольхану [Там же. Д. 378. Л. 168].

В письмах отмечалась «неправильность» построения социализма в деревне. Иногда письма «кричали» о несправедливости, внося смятение в душу красноармейца. Под влиянием негатива военнослужащие открыто выступали против политики властей. «Советская власть довела крестьян до бешенства, посадили на пайки, излишки отобрали. Это не соввласть, а какое-то недоразумение... С этой пятилеткой ждали всех в кулак, и пикнуть не дают. В коллектив крестьян загоняют насильно...» – из высказываний красноармейца 2-й дивизии Долженко, из семьи зажиточных крестьян. «Это не советская власть, а грабилька. Умышленно разоряют крестьянство и этим хотят заставить войти в колхоз и в коммуны, а там тебя будут эксплуатировать так, как им захочется», – из выступления красноармейца 2-й дивизии Скряка, из семьи кулака. «Власть неправильно строит колхозы, нужно было бы строить колхозы из бедняков и отдельно из зажиточных, а затем посмотреть, кто лучше будет жить и работать», – говорил красноармеец 2-й дивизии Дубровский, из зажиточных крестьян. «Зачем сейчас жмут на кулака и в колхоз не пускают, разве он не такой же человек, он в колхозе больше прибыли принесет, у него хозяйство больше», – заявлял красноармеец 2-й дивизии Селезнев, из семьи кулака-лишенца [Там же. Д. 242. Л. 38–39].

Активный напор деревни в основном и определял характер кулацких настроений красноармейской массы.

Как в количественном, так и в качественном отношении эти настроения обнаруживали тенденцию постоянного роста. Так, в сводке № 2, подготовленной особыми отделами ОГПУ и ОКДВА, в частности, отмечалось, что с 5 по 10 марта 1930 г. общая сумма фактов так называемых кулацких выступлений по 1-й и 26-й дивизиям, вместе взятым, возросла на 42,7%. Аналогичный рост констатировали и политические отделы других воинских частей и подразделений. Весьма важно подчеркнуть, что этот рост происходил главным образом за счет середняцкой крестьянской группы, отрицательные настроения в среде которой увеличились за данный период в среднем на 70%. Некоторое повышение процента давала и бедняцко-батрацкая прослойка – 26,6% [Там же. Д. 244. Л. 60].

Информация из родного дома порой приводила к проявлению у военнослужащих стрессов и выработке эмоциональной злобы и агрессивного отношения к представителям властных структур любого ранга. Осознание губительного положения родных и близких способствовало ярким эмоциональным антисоветским проявлениям. «Хотя бы скорее со всех сторон вспыхнула война на Союз, чтобы свергнуть это правительство. Может быть, тогда бедному крестьянину станет лучше жить», – высказывался красноармеец 5-й кавалеристской бригады Сапрунюк, из семьи середняка. «Вы все, коммунисты, подпевали соввласти, только и защищайте свои шкуры, да чтобы как можно больше набить карманы, а как на фронт, то свои партбилеты суете в карманы убитых. Вы всегда роете могилу другому, но скоро сами в нее попадете, немного осталось потерпеть, а потом будет наш век», – слова из выступления курсанта политшколы 5-й бригады 74-го полка Кузнецова. «На что мне нужна партия, без нее я лучше проживу. Только морочат голову кругом, забили народ, запутали, разорили вконец», – говорил красноармеец 5-й бригады Путилиц Ким, из семьи бедняка. «Ни черта нет правильности в этой власти, не действует она, так как нужно. Если крестьянин имеет две лошади, так его считают кулаком. Какой вот мой дядя кулак, а его продали. Насильно тянут в коллектив... Поэтому я не хочу быть в комсомоле, ну его к ... (нецензурно. – А.И., О.Ф.) и весь комсомол и всю партию», – слова из выступления командира отделения 36-й дивизии Копылова, члена ВЛКСМ, из семьи середняка. «Мы боимся только того, как бы куда не попасть, а то бы я сказал этому политруку... Врешь ты, что крестьяне сами идут в коллективы, их жмут, давят, и деваться им некуда, вот и идут», – высказывался командир отделения полковой школы 108-го полка 36-й дивизии Дулин, член ВЛКСМ [Там же. Л. 62–63].

Демобилизованные военнослужащие, еще сомневающиеся в истинности информации из получаемых писем, возвращаясь домой, убеждались в реальной ситуации в деревне. Чтобы поделиться переживаемым, они писали письма своим сослуживцам, где подтверждали правдивость критических рассуждений. «Коллективизация идет прямо-таки дурным манером. Тесный союз рабочих и крестьян держится уже на многом. С этой коллективизацией власть советов будет проиграна, как только капиталистические страны нападут на

СССР. Крестьяне и часть рабочих будут помогать буржуазии... Сейчас на заводе только тот рабочий молчит, который получает 150–200 рублей, остальные рабочие бузят... Если это письмо будет читать командование, они скажут, что я стал кулацким подпевалой, но я кулака и в глаза не вижу, но сама жизнь заставляет об этом говорить... Передай привет всем ребятам второй батареи... пусть это письмо читает командование, а адреса не давай», – из письма демобилизованного красноармейца Антонова из Новосибирского округа красноармейцу 2-й дивизии Романовскому [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 244. Л. 36-37].

Помимо крестьянских настроений красноармейцев рядового состава, подобными настроениями был охвачен и начальствующий состав частей и подразделений. Указанные настроения, согласно официальной информации политических органов ОКДВА, были наиболее развиты в частях, расквартированных в населенных пунктах, насыщенных кулацким и другим так называемым антисоветским элементом. Так, в Нерчинске это был 73-й полк, в Спасске – 26-я дивизия. За период с 5 по 10 марта 1930 г. по 5-й бригаде было отмечено 9 фактов антисоветских и антиколхозных настроений, по 73-му полку – 6, из которых 4 – выступления партийцев [Там же. Л. 63].

Сталкиваясь с потоком информации, поступающей из сельской местности, и прорабатывая ее с подчиненными, командиры и политические работники частей и подразделений порой понимали несоответствие политико-идеологических установок, спускаемых сверху, и реального социально-экономического положения на селе. Зачастую реальность брала вверх и приводила к открытым высказываниям критического характера, которые вышестоящим начальством и органами ОГПУ рассматривались как антисоветская агитация. Так, в результате подобных высказываний, а именно за «систематическую контрреволюционную агитацию», был привлечен к ответственности по ст. 58 УК РСФСР бывший политрук артполка Даурской кавалеристской дивизии Михайлов Иван. Свои антисоветские взгляды и суждения Михайлов особенно активно высказывал в период ликвидации кулачества как класса. Конкретно это выражалось в разговорах среди групп начальствующего состава о неправильной политике партии и соввласти. Дело Михайлова рассматривалось тройкой ПП ОГПУ ДВК. Дальнейшая судьба Михайлова неизвестна. 6 мая 1933 г. в 3-й кавалеристской дивизии поступило заявление о выходе из партии политрука Кульчитского. В заявлении он писал: «Ввиду того, что в дальнейшем я не имею никакой возможности бороться за генеральную линию партии, по многим ее вопросам я не согласен, чувствую, что тяжелое положение для крестьянства и части рабочих и что в скором будущем откроется мое скрытое, а посему прошу исключить меня из рядов ВКП(б), чтобы я не мешал в чистоте партии». Кульчицкий был вызван для объяснения, во время которого он заявил: «Когда я вступал в партию, я был согласен с линией партии, но потом я увидел, что темпы, взятые партией, не под силу трудящимся. Я видел, что колхозам дают непосильные задания и ничем не обеспечивают, колхозники голо-

дают. Я видел, как голодают строительные рабочие во Владивостоке, я видел, как прибывающие из центра не находят работу и умирают с голоду, а тут еще тиф. Я не согласен с ликвидацией кулака, много ликвидируют не кулаков, они могли бы еще работать в колхозах и приносить пользу. Я получаю 200 руб. в месяц, но я мог бы жить на 100 руб., а остальное можно было бы отдать нуждающимся, а ведь другие получают большие оклады. Я видел получаемые письма красноармейцами и слышал, как голодают их семьи, я не могу ничего в разъяснение этого сказать. Я имел за подобные настроения предупреждение и выговор, но его скрывал, и вот я боялся, что сккрытие будет обнаружено» [Там же. Д. 486. Л. 154–155].

Большой поток негативной информации в армию со стороны сельского населения значительно влиял на настроения и мнения военнослужащих, что не могло не вызвать реакции воинского начальства. Понимая, что подобного рода информация может в корне изменить психологический климат в войсках, причем на одном из самых сложных участков соприкосновения с опасным потенциальным противником, армейское руководство совместно с органами ОГПУ осуществляло мероприятия по определению и изъятию из армейской среды так называемого «социально чуждого элемента». Так, только за период с 1 по 10 марта 1930 г. органами ОГПУ были арестованы 54 красноармейца из состава кулаков и социально чуждых, все арестованные были привлечены к ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР. Из указанного количества было заслушано тройкой полномочных представителей ОГПУ 6 законченных дел из которых: 2 обвиняемых были осуждены на 5 лет концлагерей, 1 – на 4 года, 3 – на 3 года каждый [Там же. Д. 244. Л. 41]. Всего за период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. из ОКДВА были изъяты 228 человек младшего командного и рядового составов, что составляло 0,47% от всей численности армии [16. С. 211]. За первые 5 месяцев 1932 г. в частях ОКДВА было выявлено 20 антисоветских группировок с количеством участников – 78, из них 15 было ликвидировано в результате оперативной работы. 20 человек – главарей и наиболее активных участников – было оперативно изъято [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 302]. В дальнейшем «чистка» армейских рядов на Дальнем Востоке только усиливалась. Армейское политическое руководство видело в этом реальную возможность раз и навсегда покончить с «чуждым элементом» в армии. В марте 1931 г. начальник Политического управления ОКДВА А.И. Мезис в своем информационном письме выдвинул следующие директивные указания: «...форсировать изъятие из частей классово враждебных лиц и элементов, проявляющих антисоветскую деятельность... социально-чуждых элементов, случайно просочившихся в армию и скрывших свое социальное прошлое. Немедленно по обнаружении предавать суду», – а также усиливать воздействие на нарушителей дисциплины и улучшать работу парторганизаций. Таким образом, за период с декабря 1930 г. по май 1931 г. из армейской среды были изъяты 238 чел., т.е. не более 0,5% от численности ОКДВА [18. С. 107].

Даже после ареста и изъятия из армии бывшие красноармейцы продолжали открыто выступать с критикой курса партии и правительства. Так, одnogодник 1-го стрелкового полка Пулевский во время дачи показаний по своему делу сообщал следующее: «...я не согласен с политикой партии и советской власти по вопросам раскулачивания и коллективизации и вел поэтому антисоветские разговоры в казарме. В случае если бы меня из армии не изъяли, то я решил бы дезертировать...» [23. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 39. Л. 19].

Карательные меры не были единственным способом успокоения красноармейской массы. Они гармонично накладывались на политико-идеологическую воспитательно-разъяснительную работу. Только вместе эти две составляющие советской системы работы с человеком могли дать должный результат. Основную роль в работе по изменению настроений и мнений военнослужащих осуществляли политические отделы путем разъяснения правильности и необходимости мероприятий, проводимых партией и правительством. Они способствовали выработке у бойцов и командиров идейности, приверженности общим социалистическим ценностям и ненависти к общему врагу, как внешнему, так и, прежде всего, внутреннему, которым мог оказаться их друг или родственник, чье мнение, взгляды и суждения шли вразрез с мнением большинства.

Несмотря на проводимую в армейской среде активную политико-идеологическую работу с военнослужащими, количество отрицательных политических настроений, главное место среди которых занимало реагирование на политику и мероприятия партии в деревне и их последствия, возрастало. Только за период с 1 января по 1 мая 1932 г. по ОКДВА количество общих фактов так называемых «кулацких настроений» увеличилось на с 2 492 в январе до 3 303 в апреле, в том числе антиколхозные настроения увеличились с 409 в январе до 618 в апреле [22. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 378. Л. 278].

Преобразовательные процессы в дальневосточной деревне происходили позже, чем в европейской части СССР, однако армейскую службу в регионе проходили выходцы из разных регионов страны, в том числе из

тех, где уже полным ходом проходили коренные преобразования деревни. Именно эти люди стали первыми носителями настроений различных групп крестьянства. Несмотря на то что в отчетах и сводках политические органы ОГПУ и ОДВА–ОКДВА утверждали, что основное содержание писем и настроения, формируемые ими, в целом здоровые, фактический материал, приводимый в них, говорил об обратном. Наиболее ярко были отмечены слова недовольства и сомнения в необходимости мероприятий, проводимых государством. Но так продолжалось недолго. Политическое и военное руководство, понимая, что от настроения солдат и офицеров во многом зависит боеспособность армии, стремилось путем проведения политико-идеологической массово-разъяснительной работы изменить настрой красноармейцев. Одновременно «карательные» кампании в армии и деревне, нацеленные на изъятие социально чуждого элемента, значительно сократили приток негативной информации в армию. Призывники проходили через соответствующие комиссии, которые были своеобразным фильтром при зачислении в армию, и социально чуждый элемент не мог попасть в армейские ряды. Отсев по классовому принципу постепенно усиливался, что привело к значительному сокращению антисоветских настроений в армии.

В целом критические настроения в армии к середине 1930-х гг. стали проявляться все меньше. Классовая борьба внутри крестьянского мира при содействии государственного механизма постепенно приводила к желательному для власти результату. При этом перегибы, репрессии и другие побочные эффекты данного процесса, как правило, учитывались только формально, уже как данность. Наиболее радикальные отрицательные и критические высказывания по отношению к власти и проводимым ею мероприятиям по коллективизации и раскулачиванию исчезали вместе с их носителями. Настроения крестьянского населения как негативного, так и позитивного характера, проявляющиеся первоначально активно, по мере расширения давления государства переходили в разряд латентных (скрытых) и проявлялись лишь в особые, важные для населения периоды.

Примечания

¹ ОДВА – Особая Дальневосточная Армия (с августа 1929 г. по 1 января 1930 г.) – объединение уровня военного округа непосредственного подчинения центральным органам командования РККА. За боевые заслуги во время советско-китайского вооруженного конфликта 1929 г. (конфликт на КВЖД) ОДВА награждена орденом Красного Знамени (1 января 1930 г.) и переименована в ОКДВА (Отдельная Краснознаменная Дальневосточная Армия). В мае 1935 г. на базе ОКДВА создан Дальневосточный военный округ (2 июня 1935 г. вновь преобразован в ОКДВА). 28 июня 1938 г. на базе ОКДВА создан Краснознаменный Дальневосточный фронт.

² Мат – бранные слова и выражения, употребление которых не допускается общественной моралью, предназначенные преимущественно для оскорбления адресата или отрицательных оценок людей и явлений.

³ Ходок – простой человек, чаще крестьянин, направляющийся в город, в армию, в администрацию, в центр страны и так далее для встречи с родственником, администрацией, руководством или для подачи прошения (от слова «ходатайствовать»).

⁴ Статья 58 (58-1–58-14) Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (и в последующих редакциях) устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность против государства (измена Родине, шпионаж, доноительство на врага, подрыв государства или нанесение ему ущерба, терроризм, пропаганда и агитация для свержения власти, саботаж и т.д.). Данная статья была отменена в 1961 г.

⁵ Пункт 10 ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (и в последующих редакциях): «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».

Список источников

1. Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.

2. Лейбович О.Л. «Война на западе уже началась...»: разговоры 1939 г. в бараках, тюрьмах и очередях // Шаги-Steps. 2016. Т. 2, № 1. С. 14–27.
3. Лившин А.Я. Власть в настроениях и политических эмоциях в период становления сталинизма // Историки размышляют. М. : Перо, 2011. С. 126–174.
4. Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 15. С. 31–36.
5. Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 8. С. 133–145.
6. Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 422 с.
7. Астанина Е.А. Отношение Дальневосточного крестьянства к политике коллективизации (начало 1930-х гг.) // Региональные проблемы. 2011. Т. 14, № 2. С. 117–122.
8. Азаренко А.А. О политической психологии крестьян. Дальневосточная деревня в 1920-х годах // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 26–34.
9. Ивашченко В.А. Антисоветские настроения населения (по материалам оперативных данных ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. 2007. № 2. С. 30–37.
10. Билим Н.Н. Политические настроения дальневосточников в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. 2. С. 32–34.
11. Ченская Т.В. Общественные настроения советского крестьянства в российской деревне в 1926–1932 гг. на примере орловского округа и источники их изучения (по материалам окротдела ОГПУ) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 4 (60). С. 40–44.
12. Токарев С.В. Политические настроения населения советской провинции во второй половине 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземного региона) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 23 с.
13. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД, 1918–1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3: 1930–1934 : в 2 кн. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. Кн. 1: 1930–1931. 864 с.; 2005. Кн. 2: 1932–1934. 840 с.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. 880 с.; 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.; 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. 1008 с.
15. Чуркин В.Ф. К вопросу о политических настроениях российского крестьянства в 20-е – начале 30-х годов XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2013. Т. 26, № 8 (151). С. 180–186.
16. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 375 с.
17. Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2000. 348 с.
18. Кулаков П.П. Антисоветские настроения и их преодоление в ОКДВА в начале 1930-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 1 (66). С. 103–110.
19. Путинцев Ф.М. Сектанство и антирелигиозная пропаганда : метод. пособие / под ред. К.А. Попова. М. : Безбожник, 1929. 52 с.
20. Федирко О.П. Общесоюзные и дальневосточные съезды протестантских церквей как элемент религиозной жизни СССР в 20–30-х годах XX в. // Вестник академии. 2012. № 1. С. 97–110.
21. Государственный архив Амурской области.
22. Государственный архив Хабаровского края.
23. Государственный архив Приморского края.

References

1. Davis, S. (2011) *Mnenie naroda v stalinskoy Rossii: Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941]. Translated from English. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Boris Yeltsin Presidential Center”.
2. Leybovich, O.L. (2016) “Voyna na zapade uzhe nachalas'...”: Razgovory 1939 g. v barakakh, tyur'makh i ocheredyakh [“The war in the West has already begun...”: Conversations in 1939 in barracks, prisons, and queues]. *Shagi – Steps*. 2(1). pp. 14–27.
3. Livshin, A.Ya. (2011) *Vlast' v nastroyeniakh i politicheskikh emotsiyakh v period stanovleniya stalinizma* [Power in moods and political emotions during the formation of Stalinism]. In: Semennikova, L.I. et al. (eds) *Istoriki razmyshlyayut* [Historians reflect]. Moscow: Pero. pp. 126–174.
4. Darenkaya, I.V. (2013) “Pis'ma vo vlast'” kak istochnik analiza otnosheniy vlasti i obshchestva v 1920-30-e gg. [“Letters to Power” as a source for analyzing relations between power and society in the 1920s–30s]. *Voprosy vseobshchey istorii*. 15. pp. 31–36.
5. Savin, A.I. (2016) Letters to authorities as specific form of soviet citizens' political adaptation in 1930s. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15(8). pp. 133–145. (In Russian).
6. Fitzpatrick, S. (2001) *Stalinskie krest'yanе. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
7. Astanina, E.A. (2011) Attitude of the Far-Eastern peasantry to the policy of collectivization (the beginning of the 1930s). *Regional'nye problemy – Regional Problems*. 14(2). pp. 117–122. (In Russian).
8. Azarenko, A.A. (2006) O politicheskoy psikhologii krest'yan. Dal'nevostochnaya derevnya v 1920-kh godakh [On the political psychology of the peasants. Far Eastern Village in the 1920s]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 26–34.
9. Ivashchenko, V.A. (2007) Antisovetskie nastroyeniya naseleniya (po materialam operativnykh dannyykh OGPU DVK) [Anti-Soviet moods of the population (based on operational data from the OGPU DVK)]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 30–37.
10. Bilim, N.N. (20015) Political sentiments of the Far Easterners at the end of the 1920s – the beginning of the 1930s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7-2(57). pp. 32–34. (In Russian).
11. Chenskaya, T.V. (2014) Obshchestvennyye nastroyeniya sovetского krest'yanstva v rossiyskoy derevne v 1926–1932 gg. na primere orlovskogo okruga i istochniki ikh izucheniya (po materialam okrotдела OGPU) [Public sentiments of the Soviet peasantry in the Russian countryside in 1926–1932. on the example of the Orel district and the sources of their study (based on the materials of the okrotdel of the OGPU)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(60). pp. 40–44.
12. Tokarev, S.V. (2004) *Politicheskie nastroyeniya naseleniya sovetской provintsii vo vtoroy polovine 1930-kh gg. (Na materialakh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona)* [Political sentiments of the population of the Soviet province in the second half of the 1930s (based on the materials of the Central Black Earth region)]. Abstract of History Cand. Diss. Kursk.
13. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2003–2005) *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD, 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-kh t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka–OGPU–NKVD, 1918–1939: documents and materials: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
14. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (eds) (1999–2001) *Tragediya sovetской derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy. V 5-ti t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: documents and materials: in 5 vols]. Moscow: ROSSPEN.

15. Churkin, V.F. (2013) K voprosu o politicheskikh nastroyaniyakh rossiyskogo krest'yanstva v 20-e – nachalo 30-kh godov XX v. [On the political sentiment of the Russian peasantry in the 1920s – early 30s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 26(8). pp. 180–186.
16. Tarkhova, N.S. (2010) *Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg.* [Red Army and Stalinist collectivization. 1928–1933]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Boris Yeltsin Presidential Center”.
17. Peskov, V.M. (2000) *Voennaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 30-e gody XX veka* [Military policy of the USSR in the Far East in the 1930s]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
18. Kulakov, P.P. (2014) Anti-Soviet moods – negative attitude overcoming in OKDVA at the beginning of 1930-ies. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii – Power and Administration in the East of Russia*. 1(66). pp. 103–110. (In Russian).
19. Putintsev, F.M. (1928) *Sektantstvo i antireligioznaya propaganda* [Sectarianism and anti-religious propaganda]. Moscow: Bezbozhnik.
20. Fedirko, O.P. (2012) Obshchesoyuznye i dal'nevostochnye s"ezdy protestantskikh tserkvey kak element religioznoy zhizni SSSR v 20-30-kh godakh XX v. [All-Union and Far Eastern Congresses of Protestant Churches as an Element of the Religious Life of the USSR in the 1920s and 1930s]. *Vestnik akademii*. 1. pp. 97–110.
21. The State Archive of Amur Region.
22. The State Archive of the Khabarovsk Territory.
23. The State Archive of Primorsky Territory.

Сведения об авторах:

Исаев Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Федирко Оксана Петровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Isaev Aleksandr A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of history and archaeology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Fedirko Oksana I. – D. Phil. in Historical Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2018; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 07.11.2018; accepted for publication 22.02.2022